

ПСИХОЛОГИЗМ КАК СТИЛЕВОЕ ЕДИНСТВО В ЖЕНСКОЙ ПРОЗЕ РУССКИХ И УЗБЕКСКИХ ПИСАТЕЛЬНИЦ

DOI: <https://doi.org/10.53885/edinres.2022.44.27.009>

Муртазаева Феруза Рашитовна,

д.ф.ф.н (PhD), преподаватель кафедры русского языка и литературы, Бухарского государственного университета

Аннотация: В статье рассматривается психологизм как стилевое единство в женской прозе русских и узбекских писательниц. Находя доказательства тезису о глубокой психологической основе женской прозы в научной литературе, автор делает вывод, что наиболее яркими ее представителями с рассматриваемой точки зрения являются в русской современной прозе Л. Петрушевская, а в современной узбекской прозе З. Куролбой в произведениях, которых психологизм существует на стилевом и образном уровнях. Женщины-авторы раскрывают характеры своих героинь через их настроение и поведение в обычной жизни в целом и через конфликтные ситуации в частности. Кроме того, общим является обращение к эпической основе психологизма, позволяющей подчеркнуть его стилевое доминирование в произведениях рассматриваемых авторов.

Ключевые слова: психологизм, стилевое единство, доминанты, конфигурация реальности, психоаналитика, трансперсональная, индивид

RUS VA O'ZBEK YOZUVCHILARINING NASRIDA PSIXOLOGIYA

USLUBIY BIRLIK SIFATIDA

Murtazayeva Feruza Rashitovna,

*f. f. f. n. (PhD), rus tili va adabiyoti kafedra o'qituvchisi,
Buxoro davlat universiteti*

Аннотация: Maqolada psixologizm rus va o'zbek yozuvchilarining ayollar nasridagi uslubiy birlik sifatida ko'rib chiqiladi. Muallif ilmiy adabiyotlarda ayol nasrining chuqur psixologik asoslari haqidagi psixologizmning uslub va majoziy darajada mavjud bo'lgan asarlar nuqtai nazardan eng yorqin namoyandalari hozirgi rus nasrida L. Petrushevskaya, zamonaviy o'zbek nasrida Z. Qurolboydir degan xulosaga keladi. Ayol mualliflar o'z qahramonlarining fe'l-atvorini ularning kayfiyati, kundalik hayotdagi xatti-harakatlarini ziddiyatli vaziyatlar orqali ochib beradi. Bundan tashqari, psixologizmning epik asosiga murojaat qilish keng tarqalgan hodisa bo'lib, bu mualliflar asarlarida ularning uslubiy ustunligini ta'kidlash imkonini

beradi.

Kalit soʻzlar: psixologiya, uslub birligi, dominantlar, haqiqat konfiguratsiyasi, psikanalitik, transpersonal, individual

PSYCHOLOGISM AS A STYLISTIC UNITY IN THE FEMALE PROSE OF RUSSIAN AND UZBEK WRITERS

Murtazayeva Feruza Rashidovna,

PhD (PhD), teacher Departments of Russian Language and Literature,
Bukhara State University

Abstract: The article examines psychologism as a stylistic unity in the female prose of Russian and Uzbek writers. Finding evidence for the thesis about the deep psychological basis of women's prose in scientific literature, the author concludes that the most prominent representatives of it from the point of view are in Russian modern prose L. Petrushevskaya and Z.Kuroloy in whose works psychologism exists at the stylistic and figurative levels. Female authors reveal the characters of their heroines through their mood and behavior in everyday life in general and through conflict situations in particular. In addition, it is common to appeal to the epic basis of psychologism, which makes it possible to emphasize its stylistic dominance in the works of the authors under consideration.

Keywords: psychologism, stylistic unity, dominants, configuration of reality, psychoanalyst, transpersonal, individual

Введение. Любое художественное произведение характеризуется определёнными особенностями: своей сюжетно–композиционной формой, которая организует специфику и взаимодействие изобразительных средств текста, образуя как бы «лицо» и основной доминирующий элемент.

В своё время Б.Эйхенбаум утверждал, что: «Художественное произведение – всегда результат сложной борьбы различных формирующих элементов, всегда своего рода компромисс. Элементы эти не просто сосуществуют и не просто «соответствуют» друг другу. В зависимости от общего характера стиля тот или иной элемент имеет значение организующей доминанты, господствующий над остальными и подчиняя их себе» .

Если высказывание Б.Эйхенбаума примем в качестве постулата, то можно сделать вывод, что доминантность рулит всеми компонентами в художественном произведении, подчиняя их концептуальной идее автора.

Задача данной статьи – выявить формы и методы психологизма как

стилевого единства в творчестве Л.Петрушевской и З.Куролбой

Для современного понимания литературно–художественного стиля существенно следующее: стиль является выражением глубокой оригинальности; стиль обладает эстетическим совершенством; он представляет собой содержательную форму; он является свойством всей художественной формы произведения а не только его речевой стороны, которая имеет для литературного стиля важнейшее значение.

Проза названных авторов обладает большим потенциалом для исследования и содержит в себе немало приёмов, требующих глубокого филологического анализа. Оригинальный стиль, тонкий психологизм, жизнеподобие, своеобразие подхода к монологизму и диалогичности в области художественной речи, умение соответствовать так называемому «духу времени» – всё это причины, по которым анализ её прозы может обладать высоким научным потенциалом. Но эти внешние признаки не дают полного ответа на вопрос, почему её творчество производит сильное впечатление на людей разного уровня образования и социального положения.

Одной из главных определяющих особенностей стиля женщин-писательниц простейшая разработка сюжета: явный контраст между положительным и отрицательным, настоящим и ненастоящим, важным и неважным, своим или показавшимся таковым.[3]

Одним из средств формирования психологизма как стилевого единства в произведениях Л. Петрушевской эпическое начало. В качестве примера можно привести «Тёща Эдипа» и «Медее». При описании Медеи Л. Петрушевская тесно связывает обыденные ситуации современной российской действительности с мифологическим началом, представляя свою психологическую трактовку феминистического мифа. В «Медее» Л. Петрушевская обращается к противопоставлению мужского и женского подхода к вопросу смерти ребенка, препарирруя и обнажая психологические переживания героев и их специфику в зависимости от гендера. [6]

В произведении «Теща Эдипа» Л. Петрушевская сама создает новый миф, основанный на первоначальном мифе. У Петрушевской на первый план выходит слепой рок, правящий судьбами людей, которые даже не подозревают о его мистическом присутствии. Л. Петрушевская ловко переплетает эти мифы, удваивая и зеркально отражая образы, перекраивая сюжетную мысль повествования, сшивая пространства современности и вечности. Психологизм Л. Петрушевской базируется в этих текстах на составляющей архетипов «персона-самость», которые противоречивы сами по себе как совмещение индивидуального внутреннего начала самости с обращенной вовне, в социальную среду

персоной. Если говорить о художественной речи в ее рассказах, то в них выделяется ритмическая упорядоченность фраз и их темповая организация.

Психологизм творчества Л. Петрушевской создается за счет не только обращения к мифологическим архетипам, но и к известным литературным образам. Л. Петрушевская дает им современное прочтение, словно говоря своим читателям о том, что в этом мире нет ничего невозможного и все наши ощущения уже были так или иначе прожиты другими людьми в других эпохах. Это наиболее ярко проявляется в произведении Л. Петрушевской «Новые робинзоны».[4]

Апелляция к образу Робинзона Крузо не нова для современной литературы, только у разных авторов она находит различную интерпретацию. Так, например, у Е. Водолазкина в романе «Авиатор» образ Робинзона двадцатого века связан с перемещением человека во времени из начала в конец столетия как жертвы опытов по заморозке. И главный герой его произведения проживает процессы психологической адаптации к новому времени, одновременно сиюсь воссоздать в памяти время старое. Но случай такой робинзониады – уникальный, единственный, а вероятность его повторения крайне мала.

У Л. Петрушевской более приземленный вариант прочтения «новых робинзонов». Действие разворачивается на даче, а значит – повествование гораздо ближе к читательской обыденности. Робинзониада Л. Петрушевской начинается в заброшенной деревеньке, каких много раскидалось по просторам России, что дает возможность каждому читателю примерить это действие на себя. [10]

Психологизм произведения проявляется в образности: многие из эпитетов, характеризующих героев, несут психологическую семантику: одичавшая Марфутка, замученный внук, напуганная Анисья, неугомонный отец. Интересно реализуются психологические детали в виде формулировке тезисов из детских рассуждений (ведь лирическим героем является девочка, и ее глазами мы видим детский взгляд на жизнь и социальные категории).

Очень емким с точки зрения психологизма является следующее предложение: «Бабка Анисья, единственный человек в деревне (Марфутка не в счет, а Таня была не человек, а преступник)». Марфутка не берется в счет, потому что является одичавшей. В этом предложении заключается удивительная в своем психологическом отношении истина: «одичавший» человек, то есть человек, лишаящийся социальных контактов и взаимодействий, пусть даже и добровольно, утрачивает свое социальное начало, которое является неизменной характеристикой каждого человека в восприятии автора. При этом такой категории

людей можно посочувствовать, что они в силу тех или иных причин оказываются десоциализированны.

Иным сортом является Таня – «не человек, а преступник». Она имеет медицинское образование и всю жизнь отработала в медицине. Но традиционного для медиков уважения она, с точки зрения лирического героя, она недостойна. Причины раскрываются в тексте: Таня в семнадцатилетнем возрасте украла поросенка из колхоза, за что ее сослали на Колыму. Там-то она и получила медицинское образование.

Иными словами, это было не по призванию, а от безысходности, что, конечно же, влияет на формирование психологического облика героини. Л. Петрушевская не описывает подвиги Тани как врача, спасающего жизни. Таня избирает специализацию руководителя и становится заведующим медпунктом и становится чуть ли не главным человеком. В деревне (особенно маленькой) врач всегда был главным человеком, потому что к нему шли со своими болезнями односельчане и в его силу знаний и опыта верили, доверяя свое здоровье. Но главенство Тани проявлялось в другом: «у нее делались большие дела, полдома она сдавала под медпункт и тоже шли деньги». Петрушевская не конкретизирует способ коммерческой деятельности Тани: не то она сдавала свой дом государству и получала за это деньги, не то она сама осуществляла подпольную медицинскую деятельность, оказывая услуги односельчанам. И то, и другое, по мнению лирического героя, является преступным.

При этом – не из-за поросенка же, сворованного в юности, Таню в произведении лишают человечности, ибо то, что делает отец семейства, приехавшего в заброшенную деревню, тоже можно назвать с точки зрения высокой морали мародерством или воровством – сбор инвентаря и утвари в бесхозных домах, переноса изгороди забора для захвата земли. Но это не преступления с человеческой точки зрения, поскольку эти вещи уже не нужны их хозяевам, они являются брошенными – даже земля, которая с давних веков была одной из главных ценностей для русского человека. Действия «робинзонов», расхищающих бесхозные владения, не несут вреда этим людям, а потому не могут считаться преступлениями.

Преступным же в поведении Тани является то, что она готова идти «по головам» и причинять вред окружающим ее людям, землякам, односельчанам. Вот и Анисья, пять лет отработавшая нелегально в медпункте Тани, осталась без надбавки к пенсии как рабочий, ведь именно этих пяти лет ей не хватило до четверти века, требуемого социальным законодательством.

В этом и состоит мастерство Л. Петрушевской: в одном предложении

и нескольких строках раскрыть психологическую глубину не только героев, но и человеческих типаже через призму социальных условий российской действительности. Психологизм этой теории, просто и обыденно сформированной незамысловатыми событиями, происходящими на глазах ребенка, справедлив и объективно реален.

Типология человеческих характеров Л. Петрушевской сформирована очень четко. В произведениях автора наше общество делится на людей (настоящих людей, способных на помощь другим и в то же время не чуждых отдельным слабостям человеческого характера), преступников (не головорезов и разбойников с большой дороги, а тех представителей нашего общества, которые способны для осуществления собственной выгоды на переход через границы морали и человечности) и отрешенных от мира сего (лишенных социальных контактов и не проявляющих адекватных реакций во взаимодействиях с окружающими).[8]

Перейдем к рассмотрению психологизма как стилевой доминанты в творчестве З. Куролбой. В рассказах З. Куролбой можно выделить внешние и внутренние сюжеты, но внутренние художественные детали по обилию преобладают над внешними, психологизируя, внешние детали: они либо делаются чувственным впечатлением героя, либо отображают изменения во внутреннем мире.

Так в рассказе «Келин», мы наблюдаем следующее описание портрета героини Ойгуль, в котором автор противопоставляет два женских образа:

«– Онажон, чой ичинг, – дуркун аёлнинг пиёла тутган бармоқлари узун-узун. Оппок, ним пушти тирноқлари ялтирарди. Муслим момонинг кўзларига Холдор келиннинг қорача, тўрлаган, тирноқлари, сарғайган бармоқлари кўриниб кетди.

– Файзи ака, чойни олинг, – дуркун аёл Файзимуродга пиёла узатди.

Аёлнинг ҳаракатларида бачканалик, зўракилик сезилмасди. Қарашлари мулойим ва самимий эди. Муслим момонинг кўзларига меҳнатқаш, кўли қадок Холдор келиннинг одамга қаттиқ тикиладиган, ҳиссиз нигоҳлари кўриниб кетди» .

(«Мамочка, выпейте чаю, – сказала она, держа пальцами пиалу. Ее белые, немного розоватые ногти блестели. Бабка тут же вспомнила черные, пожелтевшие ногти своей невестки Холдор.») [12].

– Файзи-ака, возьмите чай, – сказала женщина, протягивая Файзмуроду пиалу. В действиях женщины не было напряжения, ее отношение было вежливым и искренним. Бабка вновь вспомнила бесчувственные глаза трудолюбивой невестки Холдор», перевод наш – М.Ф.)

Как показывают примеры в описании портрета внешности и

действий героинь позволяют автору постепенно ознакомить читателя с внутренним и внешним портретом Ойгуль и Холдор.

Пейзажные компоненты также позволяют отметить особенности стиля автора. В ее рассказах есть гармония с природой, часто встречаются образы дождя и снега: «Январнинг охирларида бирдан ҳаво айниб, кун совиб кетди. Бу йил қиш бўлмайти-ёв, деб бемалол юрган одамлар шошиб қолишди. Икки кун гупиллатиб қор ёғди» («В конце января вдруг похолодало. Люди, которые думали, что в этом году не будет зимы, заторопились. Два дня подряд шел снег», перевод наш – М.Ф.). «Ёмғир уч кундан буён тинимсиз шивалаб ёғарди («Дождь шел три дня подряд», перевод наш – М.Ф.).[12]

Рассказы З. Куролбой вызывают интерес читателя к внутреннему миру персонажей. Главной героиней в её рассказах обычно становится женщина. Основная черта творчества автора – подход к женщине как матери, жене, и в то же время как очень сильно страдающему человеку (рассказы «Ёмғирли ўлка» («Дожливый край»), «Изтироб» («Боль»), «Рашк» («Ревность»), «Муҳаббат ва нафрат» («Любовь и ненависть»)) и т.д.

Интересным является процесс развития сюжета в рассказах З.Куролбой. Поступательное движение развития сюжета никогда не ослабляется, наоборот, он постоянно стремителен и напряжен, изобилует разнообразными перипетиями. Её произведения всегда привлекают читателя необычной фабулой, чередой неординарных событий, сопряженных с простотой и будничностью. Острые, неординарные события, которые то и дело возникают по ходу тривиальной линии сюжета, призваны стимулировать идейно-эмоциональную реакцию героинь, а также их речевую активность.

В рассказах З. Куролбой повествование вводится от первого и третьего лица. Такое сочетание ориентировано, прежде всего, на авторское изложение мыслей и чувств персонажей, что позволяет ей вводить внутренние монологи, которые глубоко и детально раскрывают внутренний мир героинь: «Унинг яшагиси ҳам келмай қолганди. «Ажалнинг кириб келишини кутиб ўтираманми? Уни ўзим чақириб қўя қолсам-чи? Бу дунёда қиладиган ишим қолмади ҳисоб. Очиқ мазордек ҳувиллаб ётган уйга тириклай кўмилгандай яшашнинг кимга кераги бор? Эрталоқ ёнига борсам, балки эрим хурсанд бўлармиди...» . («Ей не хотелось жить. – Я теперь буду ждать ангела смерти? Может, я его сама позову? Мне больше нечего делать в этом мире. Кто сможет жить, как будто ты заживо погребен на открытом кладбище в заброшенном доме? Может быть, мой муж обрадуется, если пораньше к нему пойду...», перевод наш – М.Ф.)

Такой метод повествования также прослеживается и в рассказе «Келин», где автор мастерски сочетает прямую речь героев с внутренней. Например, прямая речь: «Одам бир марта дунёга келади. Шундай экан, ўзини, туйғуларини ҳурмат қилиши ҳам керак-да. Қолаверса, одам ўзини бахтли ҳис қилган ерда яшаши керак» . («Человек один раз живёт. Раз так, он должен уважать себя и свои чувства. Да и потом, человек должен жить там, где чувствует себя счастливым перевод наш – М.Ф.); внутренняя речь: «Турсунбой чол пиёлани оларкан, қўли титраб кетди-ю, Муслим момо буни аниқ кўрди. «Ҳаҳ, шўрлик чол, бундай муомалани кўрмаган-да! Кўргансизлик қияпти», – деб ичида яниб қуйди момо» . («Рука деда дрогнула, когда он взял пиалу. Бабка Муслим это точно заметила. «Да, бедный дед, такого обращения не видал никогда. Он ведет себя так, как будто в жизни не видел ничего подобного», – про себя ругала бабка деда», перевод наш – М.Ф.)

Нужно отметить, что форма художественной условности рассказов Зульфийи Куролбой кизи реалистична. В отличие от Петрушевской, в рассказах которой обычен счастливый финал, у З. Куролбой чаще отмечается эмоциональный открытый финал.

Автор это делает намеренно, многое опускает, уводит в подтекст, рассчитывая на воображение читателя, который должен дорисовать изображаемое, домыслить открытый финал. Композиционные приёмы основаны на противопоставлении, а сюжеты, в которых используется прием переброса действий из одного временного уровня в другой, динамичны: действие переходит из настоящего в прошлое, из прошлого в будущее. Хронотопические отношения создают своеобразный облик времени, позволяют перемещаться из одного временного пространства в другое с целью раскрытия образов героинь и выявления особенностей пространства, в котором они существуют: «Октябрь ойининг ўн саккизинчисиди туғилган еттинчи фарзанд ҳам киз бўлди. Қизчани она қорнидан операция қилиб олишди дўхтурлар» («Седьмой ребёнок, родившийся восемнадцатого октября, тоже оказался девочкой. Девочку извлекли из утробы матери врачи при помощи оперативного вмешательства», перевод наш – М.Ф.). «Нихоят, икки йил мусофирчиликдаги оврагарчилигу текшир-текширлардан сўнг Латофат хонимга уйга қайтишга рухсат берилди» («Наконец-то, после тщательных обследований врачей, которые продолжались почти два года, Латофат хоним разрешили вернуться домой», перевод наш – М.Ф.).

Стиль З. Куролбой отличается оригинальностью, самобытностью, колоритностью, каждый ее рассказ поражает читателя новизной темы, другой интерпретацией, разнообразием персонажей, злободневной проблематикой, необычной идеей, тем самым обеспечивая высокую

популярность её произведений.

В любое время, когда писатель стремится к более полной интерпретации человеческих отношений, возникает вопрос о стиле, так как стиль автора выражает его индивидуальный творческий мир. В рамках данной статьи мы попытались проанализировать психологизм как стилевое единство в творчестве Л.Петрушевской и З.Куролбой. Хотя в целом творчество обеих писательниц определяется разными векторами, основные мысли и художественные идеи их во многом переплетаются. Близость проблем, которые стоят перед женщинами в разных странах, демонстрирует, что различия между западным и восточным менталитетом не являются кардинально противоположными. При разнице в традициях женщины всё равно задаются одними и теми же вопросами, ищут своё место в обществе, пытаются найти счастье в собственной семейной жизни.

Можно сказать, что «женская проза» углубила проблематику психологической прозы, которая давала возможность понять чувства другого человека, обращаясь к внутренним истокам поступков, а не к внешним их проявлениям. Ни Л.Петрушевская, ни З. Куролбой кизи не ставили задачу препарировать историю любви своих героинь и поставить ее в зависимость от некоего социального заказа. Художественная закономерность развития сюжета приводит к развязке, реализующей идеи автора.

2.Методы (Methods)

В основу методов исследования положены принципы целостного анализа идейно-художественной структуры текста под углом зрения специфики психологизма в сочетании с описательным и сравнительно-типологическим видами анализа.

3.Результаты исследования (Findings)

Психологизм как стилевое единство в творчестве Л. Петрушевской и З.Куролбой проявляется с помощью художественных деталей, а также в активном использовании эпитетов, отражающих психологическое состояние человек в емком, но кратком описании конфликтных раздражений окружающей среды, в реакции на которые и познаются особенности психологии человека.

4.Заключение (Conclusion)

Таким образом, стиль каждой из изучаемых писательниц является весьма интересным и эстетически целостным, раскрывающее мастерство названных авторов: в одном предложении и нескольких строках раскрыть психологическую глубину не только героев, но и человеческих типаже через призму социальных условий действительности. Психологизм этой теории, просто и обыденно сформированной незамысловатыми

событиями, происходящими на глазах ребенка, справедлив и объективно реален.

Типология человеческих характеров у женщин-писательниц сформирован очень четко: наше общество делится на людей (настоящих людей, способных на помощь другим и в то же время не чуждых отдельным слабостям человеческого характера), преступников (не головорезов и разбойников с большой дороги, а также на тех представителей нашего общества, которые для собственной выгоды готовы на переход через границы морали и человечности). Кроме того, на отрешенных от мира сего (лишенных социальных контактов и не проявляющих адекватных реакций во взаимодействиях с окружающими).

Рассказы авторов привлекают внимание оригинальностью, новизной темы, современной интерпретацией разнообразных коллизий. Композиционные приёмы в рассказах часто основаны на антитезе и противопоставлении, активном использовании психологической напряженности внутренней речи героев.

Список литературы

1. Саттарова Г. Г. Использование символов в современной женской прозе // Тюркский мир и исламская цивилизация: проблемы языка, литературы, истории и религии. – 2018. – С. 206-209.

2. Донцова А. А. Специфика экспрессивно-психологического синтаксиса в произведениях женской прозы // Изоморфные и алломорфные признаки языковых систем. – 2017. – С. 136-142.

3. Горжая А. А. Психологическая женская проза как объект исследования // Гуманитарные и юридические исследования. – 2020. – №2. – С. 175-181.

4. Ализаде А. А. Г. Идеино-художественные особенности прозы Нины Горлановой и Марины Палей // Научное обозрение: гуманитарные исследования. – 2015. – №4. – С. 84-87.

5. Шестак А. Н. Художественная проза Ольги Славниковой в контексте современного литературного процесса // Научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2016. – №120. – С. 340-352.

6. Бурцева Ж. В. Поэтика «женского текста»: гендерные аспекты (на материале творчества Ариадны Борисовой) // Северо-восточный гуманитарный вестник. – 2017. – №2. – С. 117-122.

7. Павлова А. А. Особенности психологической прозы Элис Монро // Студент – исследователь – учитель. – 2021. – С. 1228-1235.

8. Репина А. В. Особенности психологизма в современной женской прозе (на примере произведений Л. Улицкой и Л. Петрушевской) //

Проблемы школьного и дошкольного образования. – 2012. – С. 67-68.

9. Пигнастая Д. Г. Специфика «женского письма» // Реализация компетентностного подхода в системе профессионального образования педагога. – 2018. – С. 251-253.

10. Антипина Е. С., Гилева А. М. Феномен «женской прозы» в современной русской литературе // Global and regional research. – 2020. – №3. – С. 199-204.

11. Кагарманова А. Б., Прокофьева И. О. Особенности современной женской прозы // Наука молодых – будущее России. – 2017. – С. 178-181.

12. Зулфия Куралбой кизи. Сборник рассказов «Қадимий қўшиқ». - Т.: Узбекистан, 2012. С.161-162